

Следя за его движениями, насколько это возможно в крошечной тьме, я едва различаю силуэт Вейна. Он подбрасывает дрова к остаткам костра гоблина, о чем свидетельствуют периодические звуки ударов дерева о другие куски и каменный пол. По тому, как это продолжается некоторое время, становится ясно, что он собирается развести гораздо больший костер, чем тот, которым наслаждались гоблины. Он использует все излишки дров в пещере, и от его усилий пещера становится похожа на кегельбан.

Устало пожав плечами, я прислоняюсь к ближайшей к выходу стене - место, выбранное из осторожности и тревоги. Даже сейчас мои глаза еще не привыкли к почти полному отсутствию света, если вообще могли бы привыкнуть.

Ощущение гнетущее, все эти камни давят на меня, как медленно движущаяся лавина. Даже клаустрофобия. Мой разум отстраняется от того факта, что здесь были расчленены человеческие тела, причем некоторые из них - прямо у меня на глазах. Сидя в темноте и ожидая света, чтобы рассеять тьму, я становлюсь все более и более тревожным.

Отвлекаясь от своих тревог и страхов, я слушаю странную музыку, которую создает работа Вейна, и бездумно задаюсь вопросом, почему Вейн может двигаться с такой уверенностью, ни разу не споткнувшись. Если бы он споткнулся, он бы громко выругался, учитывая его резкий характер. Он просто такой парень. После минутного раздумья я вспоминаю видение, которое продемонстрировало мне его боевой стиль. Он использовал то, что он называл " заклинанием".

Итак, я полагаю, что это, по сути, тепловидение с помощью магии. Но куски дерева не излучают тепло, если они разрублены и давно мертвы, если предположить, что деревья излучают много тепла, пока живы. Я удивляюсь, как он как-то ориентируется в комнате, когда его заклинание совершенно бесполезно. Он видит не лучше меня, не так ли? Или у него есть еще один трюк в рукаве, который я не вижу или не чувствую?

Через некоторое время напротив вспыхивают искры, ослепляя меня на мгновение. В течение долгого времени искры продолжают лететь, сопровождаемые скребущими и щелкающими звуками. Когда искрам наконец удастся разжечь пламя, оно сначала слабое. Вейн оглядывается вокруг в слабом свете огня, проводит рукой в перчатке по глазам, скорее всего, чтобы отменить заклинание. Я не чувствую, что что-то происходит, когда он делает это напротив, даже с таким видимым знаком, что он это делает. Он быстро осматривает пещеру, роясь в вещах, и наконец находит что-то, что ему было трудно найти в темноте, и берет это в руки. Я поджигаю губы, наблюдая, как он раскладывает их вокруг горящих дров, и комната начинает светлеть. Разжигание.

Он старательно размахивает рукой, побуждая огонь прокладывать себе путь вглубь кучи дров, пока пещера не озаряется радостным светом, а тьма не рассеивается. Поначалу так и кажется, ведь пустота была ничем иным, как депрессией, не говоря уже о том, что она была сокрушительной. Именно так я чувствую себя сейчас, когда огонь вернулся, но потом в глаза бросается кровь, покрывающая большую часть пола, и человеческие кости, усеивающие пол. Голова Гарденина снова смотрит на меня, а также несколько мужских, которых я не узнаю. Вонь убийства, сладкая и едкая, не говоря уже о безошибочном запахе разложения, который уже пропитал все вокруг, как пятно, которое никогда не удастся вывести, становясь еще хуже с добавлением сладкого дыма. Слабый металлический запах крови смешивался с вонью

гоблинского кишечника. Мой желудок бурлит. Я благодарен, что он подавляет голод, который начал грызть меня, как только я почувствовал свою безопасность.

Голова Гарденин продолжает тупо смотреть на меня, вдаль, на тайны, недоступные моему пониманию. У меня такое чувство, что где бы я ни сидела, она все равно будет смотреть прямо на меня, обвиняя. Сжимая руки вокруг себя, чтобы защититься от ее наполненных болью, страхом и глубоким гневом глаз, я обнаруживаю, что не могу оторвать взгляд.

"Ну и гадость", - бормочет Вейн себе под нос, хватая голову Гарденин и бросая ее в горящую кучу. Повернув голову и посмотрев на меня с сухим выражением лица, он слегка улыбается. "Приношу свои извинения за вид и запах углей. Я так понимаю, вы знали ее и она вам не очень понравилась, да?" Он смеется. "Запахи будут становиться все хуже. Это может стать слишком сильным для такого нежного цветка, как вы. Может, стоит отступить. Тебе следовало выйти из пещеры. Я почти уверен, что ничто не наткнется на тебя, ожидая снаружи".

Бросив на меня многозначительный взгляд, он продолжает свою работу и наклоняется, чтобы разорвать мешок, в котором лежит недоеденный труп. Пока он роется в мешке, я восторженно наблюдаю за огнем: голова Гарденин плавится и обугливается, а жаркое пламя поглощает ее с громким треском, а ее глаза плавятся и обугливаются. Вейн принохивается и возвращается к груде разбросанных костей, чтобы бросить их одну за другой в костер. Вонь в воздухе усиливается до такой степени, что я бы снова опорожнил свой желудок, если бы у меня осталось хоть что-то, что можно было бы выжечь.

Это действительно ужасное, забытое богами место. Надеюсь, я никогда больше не увижу это место.

Сглотнув скопившуюся слюну, я отворачиваю голову и хромаю на ноги, практически волоча ноги, пока иду к месту, где меня привязали, и обнаруживаю, что место, которое я выбрал, чтобы сесть, было не слишком далеко от него. Упав на колени, возможно, из-за извращенного порыва, я разрываю еще один мешок. Услышав, как Вейн тяжело топает ко мне, чтобы заглянуть через плечо, я пожимаю плечами и возвращаюсь к осмотру этого тела. Глаза пожилого мужчины с засохшей кровью, стекающей с губ, и всклокоченными волосами встречают меня своими молочными глазами. Волосы этого человека кажутся мне знакомыми, но я не могу назвать его имя.

"Ты знаешь этого бедного старого человека?" спрашивает меня Вейн. "Надеюсь, не из твоей семьи?"

Отрицательно покачав головой, я переползаю к следующему мешку побольше и развязываю узел. Подождав немного, Вейн фыркает и вонзает в мешок лезвие своего теперь уже чистого меча, чтобы разрезать бечевку для меня. "Маленькая мисс, нам нельзя задерживаться. Ты ведь знаешь, что случится, если мы будем ждать, пока ты вспомнишь их всех, не так ли? Ты сможешь за мгновение охватить все их лица и запечатлеть их в своей памяти, прежде чем я брошу их в костер. Я лишу их того, что тебе нужно".

"Я не знаю, почему я смотрю на их лица", - говорю я с плоским выражением лица и замиранием сердца. "Не похоже, что у меня есть связи с кем-то из них".

"Это выражение твоих глаз говорит о том, что ты пытаешься продать", - говорит Вейн, приступая к освобождению остальных тел из мешков. Одна за другой появляются неудачливые жертвы, и последняя из группы заставляет меня сглотнуть внезапно накопившуюся слюну, пока я борюсь с желанием вызвать рвоту или снова закричать. Джеральдина!

Мешок, в котором она находилась, был несколько больше остальных, чтобы скрыть ее объем, но я не сложил два и два. Только когда показалось ее окровавленное лицо. По какой-то причине мои глаза наполнились слезами, и я заплакал. Эта женщина была жестока с Халимой, не так ли? Она била ее время от времени и... но когда дошло до дела, Джеральдина была единственной семьей, которая у нее была. У нее грустный взгляд. Не полный страха, как у остальных, просто очень грустный, как будто она всегда о чем-то жалела.

"Ах." со знанием дела говорит Вейн, похлопывая меня тяжелой рукой в перчатке, и говорит хриловатым тоном. "Похоже, она получила неприятный удар по голове, судя по виду, так что ее одежда должна быть в порядке, но она не будет облегающей".

Джеральдина носила платья, подобные тем, что она сшила для меня. Это не были прекрасные платья, все очень просто, но ее вышивка всегда делала их особенными, больше, чем большинство других платьев.

Вспоминая платье, которое было на Халиме на берегу реки, я понимаю, что она вышила для нее простое и некрасивое платье, чтобы сделать его больше, чем оно могло бы быть. Не то чтобы в деревне было много других девушек, но Халима гордилась своими платьями, да и вышивкой Джеральдины. Все девушки, жившие там, кроме Гардении, были выданы замуж либо за местных мужчин, либо за женихов из других общин. Как ни странно, несмотря на то, что образ жизни пилигримов настаивал на этом, Джеральдина никогда не обещала руку Халимы никому, не то чтобы не было подходящих женихов, поскольку все три подходящих мальчика того поколения фанатели от Гардении.

Со слезами, все еще текущими из моих глаз, печалью, которую я испытываю только из сочувствия, на самом деле, я протягиваю руку, чтобы коснуться пухлого лица Джеральдины, и тянусь, чтобы закрыть ее глаза из уважения. Мои пальцы ложатся на ее веки, и в этот момент все повторяется.

Цвета в глазах Джеральдины меняются, и белизна окружает меня, когда я втягиваюсь в ее глаза.

Ночь бурная, ветер и дождь барабанят по крыше моей уютной хижины. Шум соломы отталкивает скачущую воду, чтобы она стекала на землю снаружи в виде ручейков, которые собираются в лужи, взбивая грязь и питая мой сад. Эти звуки наполняют мои уши, как музыка сквозь стены. В очаге горит веселый огонь.

Мои иглы для вышивания щелкают друг о друга, когда я протягиваю нить через подол одного из моих платьев, тихонько напевая в такт. Маленькая счастливая роза формируется среди сложного рисунка из маргариток и зелени. Она выглядит так элегантно, что я уже считаю это одним из лучших своих произведений, учитывая, как хорошо она выделяется среди моей нынешней темы листьев и природы, дань уважения и подношения богине Альвере и в память о моем недавно ушедшем отце.

Глядя на огонь, который трещит и хлопает, когда воспламеняется сок, я думаю о дорогом прошлом. Давным-давно эти горы были покрыты такими цветами, но с тех пор, как Морга вызвала барона-демона, их заполнили отряды гоблинов с запада, и чистота этого места ослабевала по мере того, как проходили дни под проклятием. Первыми жертвами стали мириады цветов.

Мои иглы продолжают звенеть друг о друга в ритме стаккато, который идет в контрапункте с падающим дождем, а мои мысли становятся немного грустнее, мелодия, которую я напеваю, приобретает оттенок меланхолии. Весь шум вокруг меня - это мир, играющий свою музыку только для того, чтобы сопровождать мое напевание. Звуки моей работы - это всего лишь еще один инструмент в большом оркестре, исполняющем песню о красоте и тайне этих звуков природы, оттененных моими эмоциями.

Нарушая мою задумчивость и сосредоточенность, тяжелый стук раздается в мою входную дверь. От испуга я роняю платье, на котором вышивала еще не законченную центральную розу. Поколебавшись, я облизываю внезапно пересохшие губы и бросаюсь к двери, вытаскивая на свободу старый ржавый отцовский меч с розой на рукояти.

Мой отец оставил его, и с тех пор, как он умер, он лежит в корзине у двери. Пилигримы не стремятся применять насилие к другим, кроме как для собственной защиты, кроме наказания за прегрешения. Из-за своих убеждений, а теперь и моих, жители деревни, которые много раз посещали его, критикуют его присутствие, несмотря на то, что знают его гордую историю защиты их. Некоторые до сих пор намекают и даже настаивают, чтобы я переплавил его, чтобы сделать новую мотыгу для чьего-нибудь сада, чтобы способствовать процветанию Пайнсдейла в целом, но я почему-то всегда отвергала их представления. В конце концов, отец был прав в одном: эти горы опасны.

В отличие от многих других, живущих в этой деревне, людей, которые верят, что мы можем жить здесь спокойно, не обращая внимания на угрозы монстров, идущих с севера, и тех, кто обращается, мой отец не верил в эту веру, называя ее чепухой, происходящей не от глупости, а от наивности и веры. Путь и вера пилигримов приведут к тому, что эти горы будут восстановлены в прежнем великолепии. Восхищаясь их стойкостью и убежденностью, он пошел с ними, чтобы защитить их от опасностей, с которыми они столкнутся, отбиваясь от того, чего не могут отпугнуть мотыги и лопаты. Он всегда говорил мне, что кто-то должен быть готов поднять меч в случае необходимости, потому что этого не произойдет никогда. Мир быстротечен.

Не проявляя особого интереса к предложениям отца давать уроки фехтования, хотя и понимая, почему он настаивает на этом, я вместо этого увлекся философией и верой пилигримов, которыми отец восхищался, но не мог присоединиться к ним. Чтобы сделать то, что он не мог,

я отвергла попытки отца научить меня его выдающимся боевым навыкам. Он оставил мне этот меч и сундук, в котором якобы хранится еще одна реликвия из его старых приключенческих дней. Я смутно помню, как он работал над чем-то, что не позволял мне видеть в мастерской, которую держал, пока не разрешил жителям деревни разобрать ее и использовать содержимое для лучшего применения. Перед смертью он сказал мне, что если я когда-нибудь передумаю, меч укажет мне истинный путь.

Я так и не смирилась с мыслью о том, что нужно внести свой вклад в развитие деревни, пожертвовав воспоминаниями о нем. Какими бы очаровательными ни были их убеждения, убеждения, которые я полностью приняла за свои собственные, за этим исключением, что-то во мне отвергает мысль о расставании с ним.

Еще один тяжелый, но более слабый стук раздается в дверь, и, подняв меч, я готовлюсь к тому, что меня ждет по ту сторону. Гоблин, который хочет выманить меня в ночь, чтобы убить и сожрать. Поскольку я так изолирована в этой буре, возможно, он думает, что я легкая добыча.

В критический момент любой житель деревни подберет свои инструменты и превратит их во временное оружие, чтобы защитить себя. Но даже ржавый меч, наверное, лучше мотыги в любой день. Дверь грохочет, когда я отпираю и распахиваю ее, чтобы с криком выскочить наружу. Мой крик замирает на моих губах, когда я вижу на пороге сгорбленную промокшую фигуру в одеянии, стоящую на коленях в грязи.

Я задыхаюсь, готовя меч к мощному удару, но останавливаю его, когда голова фигуры смотрит на меня с жалким и скорбным выражением, и я вижу, что это всего лишь девушка с сильно ушибленным лицом. Она прижимает сверток к груди и прижимает руку к туловищу.

"Пл... пожалуйста... ваша милость. Я умоляю вас..."

У меня отпадает челюсть, и я с грохотом роняю меч в лужу рядом с нами и бросаюсь обнимать эту несчастную женщину, не подозревая, что в ее крепко зажатом свертке может быть спрятан нож. Я быстро втаскиваю женщину через порог в свой теплый дом, нисколько не обращая внимания на грязь и воду, стекающие по полу. Переведя взгляд на меч моего отца, лежащий в грязи за дверью, и на него льется дождь, я не решаюсь и бросаюсь назад, чтобы поднять его грязный конец и посмотреть на него.

Я собирался убить эту бедную незнакомку, даже не зная, что она собой представляет. С отвращением к самой себе я возвращаюсь в свой дом и бросаю меч в мусорное ведро, все еще грязное, рядом с дверью, а затем снова захлопываю дверь, чтобы прогнать холод, просочившийся в мой дом.

Женщина слабо опускается на колени на моем полу у очага, согреваясь. В спешке я прыгаю к ней, останавливаю и дергаю за плащ, чтобы снять его. Если она еще не больна, она подхватит страшную болезнь. Не сопротивляясь моим попыткам стянуть с нее мокрый плащ и накидку, она позволяет мне полностью освободить ее от промокшей и ледяной одежды.

Ее кожа посинела, и, стоя почти обнаженной перед моим очагом, она сильно дрожит. Она посинела не только от холода. Ее кожа бледная, и она покрыта многочисленными синяками. Я знаю, что она, должно быть, страдает от переохлаждения, и мне приходится закутать ее в сухую и теплую одежду после того, как я вытерла ее кожу полотенцем.

Я почти сразу замечаю, что на ее туловище надета повязка. Она приседает у моего костра, разворачивая то, что она несет в свободной руке, и, к моему удивлению, из свертка доносится громкий плач, нарушающий ритм бури снаружи.

"Боже мой!" восклицаю я, бросаясь к ней с толстым одеялом, которое я связала несколько месяцев назад, чтобы накинуть его на тело бедной девочки. Она начинает тихонько плакать, все еще согнувшись.

"Спасибо вам большое за вашу доброту, но не беспокойтесь слишком сильно о моем здоровье, моя добрая женщина. Я не стою вашей доброты. Я проклята. Пожалуйста... возьмите этого ребенка". Она с болезненным стоном поднимает ребенка, теперь уже обеими руками, растягивая туловище. Внезапно мой пол, и без того грязный и мокрый, становится красноватым, когда из ее повязки вытекает кровь. Взяв сверток из ее рук, я осматриваю состояние ребенка, замечая, что он такой же синий, как и его мать, но щеки у него более здорового цвета, чем у нее.

Отнеся ребенка на свою кровать, я укладываю его под одеяло, а затем спешу к матери, чтобы опустить ее на пол моей хижины. Наши глаза встречаются, и ее губы кривятся, дергаясь от боли, которую она пережила.

"Что с тобой случилось?" спрашиваю я, в панике откидывая одеяло в сторону, чтобы увидеть, что оно уже пропиталось ее кровью. Все это время она прятала плохо перевязанную рану в животе. Сняв с ее торса импровизированную повязку, которая ужасно прилипла к ране, я с ужасом вижу, что ничем не могу ей помочь. Плоть вокруг ее раны зеленая и желтая, с явными признаками обширной инфекции и мертвой кожи. Вместе с кровью вытекает гной, от которого исходит неприятный запах.

"Они преследовали меня... 3-звери... а-а-а..." Девушка задыхается, отчаянно пытаясь выговорить слова сквозь стук зубов и дрожь тела. "Ах... он... с-сказал мне... убедись... убедись, Халима... убедись... посмотри... ф..." Она заикается между хныканьем, прежде чем поддаться более сильным конвульсиям. Ее глаза закатываются, а пальцы застывают, когда она тянется к чему-то вне поля зрения.

Через несколько мгновений после этого она испускает последний вздох у меня на коленях.

<http://tl.rulate.ru/book/75953/2261070>